

Е. М. *ФЕОКТИСТОВ – За кулисами политики и литературы* (1848 – 1896), редакция и примечания Ю. Г. Оксмана, вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. «Прибой», Ленинград, 1929 г., стр. 28 – 427, цена 3 р. 50 к.

Имя Феоктистова, многолетнего «начальника управления по делам печати» (1883 – 1896 гг.), довольно часто мелькает в литературных мемуарах и переписках, относящихся к последней четверти прошлого столетия. Отныне, с изданием соответственных мемуаров Феоктистова, это имя, бывшее до сих пор не больше как одиозным символом, наполняется для читателя конкретным содержанием, раскрываясь в небезынтересный и довольно красочный портрет.

Нужно, впрочем, сказать, что мемуары Феоктистова, в отличие от многих иных отнюдь не грешат излишним автобиографизмом. Не будучи первостепенной государственной фигурой, мемуарист имел достаточно такта, чтобы не слишком занимать потомство своею персоной. Почти не касаясь того, что называется «личной жизнью», он оставляет в тени даже свою эволюцию, в результате которой бывший восторженный слушатель Грановского, короткий приятель Тургенева и Боткина, чуть не замешанный в дело петрашевцев и т. д., превратился постепенно в правоверного катковца, трудно переживавшего либеральную «диктатуру сердца» («нам людям известного образа мыслей, приходилось переживать крайне тяжелые дни»...), а в реакционнейшее царствование Александра III призванного на ответственный пост тогдашнего «идеологического фронта» (объективная закономерность этой несколько парадоксальной, но довольно обычной в те времена, метаморфозы прекрасно вскрыта покойным Пресняковым в его вводной статье).

Мемуары Феоктистова менее всего эгоцентричны, и все же в сознании читателя отлагается довольно яркий образ мемуариста, носителя обильных сообщений и высказываний о лицах, о событиях (в этом и заключается главный интерес книги).

Суждения и оценки Феоктистова большей частью резко отрицательны. С этой стороны его мемуары, несмотря на спокойно летописную манеру, представляют из себя в сущности сплошной памфлет, примыкая к той линии

желчных и кусательных мемуаров, которую можно вести от знаменитых «записок» Вигеля. Характерно, что Феокистов не щадит никого, за исключением своего идейного патрона – Каткова, к личности которого относится с неизменным благоговением. Стрелы его сарказма направлены не только против чужих («Глупый Огарев», о Бакуanine – «порядочный скотина», о Некрасове – «этот господин») не только против сановников иного бюрократического лагеря (о Валуеве – «пустой и ничтожный фразер», о Гр. Игнатьеве – Ноздрев» и «фигляр»), но и против своих, как Дм. Толстой, Победоносцев и другие, – вплоть до высочайших особ: «Нельзя отрицать, что в интеллектуальном отношении государь Алекс. Алекс. представлял собой весьма незначительную величину – плоть уж чересчур преобладала в нем над духом». Очевидно, в этом последнем случае прирожденное противоречие мемуариста оказалось в нем сильнее чувств, верноподданнического аспекта.

Если слова «закулисны» нельзя синонимом всего неблагоприятного, и неприличного, то заглавию, придуманному мемуарам Феокистова, нельзя отказать в меткости: едкое перо мемуариста оказалось беспощадным в изображении гнилостности того режима, служителем и принципиальным защитником которого он был. Чего стоят сообщения об участии морганатической жены царя в железнодорожном ажиотаже, или о том, как Дм. Милютин (даже Милютин!) послал управлять вновь завоеванной Средней Азией генерала, которого сам же признавал «глупым», или как министр Дм. Толстой, будучи уже совершенной развалиной, «но выходил и не иначе в залу, где ожидали его просители, как с револьвером в кармане».

Быть может, эта сплошная злоречивость феокистовских мемуаров доставит несколько лишних затруднений историку, но если брать мемуары просто как род чтения, то ни для кого не секрет, что подобного рода «злые» мемуары куда интереснее той мемуарной маниловщины, образцом которой могут служить не в меру прославленные воспоминания благодушного и бестемпераментного Кони.

Для литературоведов особенный интерес должна представить специальная глава, посвященная Тургеневу. Не привнося чего-либо существенно нового в традиционную концепцию личности знаменитого романиста, феокистовская характеристика побивает рекорд язвительности. Убийственна его усмешка над «Аннибаловой клятвой» Тургенева: «Если бы Аннибал, глубоко ненавидя римлян, сидел преспокойно в Карфагене, не предпринимал похода в Италию и не прославился бы там чудесами храбрости в борьбе с своими врагами, то ни для кого не было бы интересно, клялся ли он погубить их или нет».

Высокий интерес представляет суждение Феокистова по поводу прославленной «объективности» Тургенева как художника: «Возьмите Рудина, Базарова и других выведенных им героев и вы затруднитесь, конечно, отвечать, преклонялся ли он перед ними или хотел заклеить их сатирой. Объясняется это вовсе не мнимой объективностью его взглядов, – нет, разгадка заключается в том, что при шаткости своих политических убеждений он сам недоумевал, как следует ему подойти к этим типам» (25 стр.).

Смолоду вращавшийся среди литераторов, а на старости лет приставленный надзирать за благонадежностью их продукции, Феокистов сам таил в себе незаурядное литературное дарование, хотя, быть может, и не подозревал этого. «Талантливый писатель, – пишет он в одном месте, – изобразит, быть может, когда-нибудь тип генерал-адъютанта». А между тем, он сам оказался этим писателем, так как тут же вслед за этими словами набросал превосходный сатирический очерк этого типа.

Хороший и складный язык, умение плавно и занимательно рассказывать, кстати, рассказанный анекдот или удачно приведенная чья-нибудь острота (чаще всего, Тютчевская), – все это делает рецензируемые мемуары интересной и значительной книгой, независимо от их чисто исторической значимости.

Примечания обильны и обстоятельны.

Н. Прянишников